

Облака

Над домами, домами, домами
голубые висят облака —
вот они и останутся с нами
на века, на века, на века.
Б. Рыжий

1.

От напора воздуха распахнулось окно. Свежее влажное дуновение ветра пронеслось по спящей больничной палате, словно огромная невидимая птица. Мне показалось, что на какое-то мгновение пропал храп, доносившийся из разных углов комнаты. За окном шумели деревья. «Наверное, к дождю» - я с трудом поменял позу. Мне не спалось уже несколько ночей, зато днем спал, как убитый, пропуская процедуры и прием пищи. Ночью хорошо думается, а к храпу и ночным выкрикам соседей можно было привыкнуть. И я привык. Думал, о предстоящей работе, вспоминал какие-то эпизоды из прошлого, черт знает, зачем задержавшиеся в моей памяти.

Неожиданный крик, сменившийся крепким матом, разнесся в спящем пространстве. Больные зашевелились. Возмутителем покоя был дядя Коля – так звали больного в правом углу у окна. Дядей Колей все, даже медсестры, звали пропитого, прокуренного, татуированного с ног до головы мужичка лет пятидесяти пяти. Вечером его привезли с операции, которая длилась часа четыре, а теперь, судя по всему, дядя Коля начал отходить от наркоза. Дядя Коля продолжал смачно материться, по-видимому, находясь в полубессознательном состоянии. Поворочавшись, больные стали засыпать, в дверь палаты на секунду заглянула заспанная медсестра в съехавшей на бок шапочке и снова исчезла.

2.

В окно уже заглядывало солнце. Болела голова. Кажется, я уснул, а проснулся уже утром. Ходячие больные потянулись кто куда. Громко сморкались в раковину, пересказывали какие-то новости, матерились, рассказывали в подробностях о своих болезнях. Повернув голову, я посмотрел на кровать дяди Коли. Она была пуста.

День закрутился как колесо велосипеда. Время от времени я вздремывал, а проснувшись, снова созерцал нашу палату. Часов в одиннадцать пришли медсестры делать процедуры лежащим больным. Пришла Леночка – так звали ее больные. Не высокая, полненькая, с добрыми влажными искрящимися глазами. Красивая фигура, что сзади, что спереди. Когда она наклонялась над больным, я украдкой наблюдал за ней. Ее ягодички обтянутые халатиком вызывали желание подойти, прижаться, обхватить руками мягкое податливое тело. Так размышляя о прелестях Леночки, я опять задремал.

Я открыл глаза. Передо мной в нескольких сантиметрах было лицо Леночки, в глазах играла улыбка. Она поправляла мою подушку и сползшее на пол одеяло. Ее лицо, шея были так близко, что я невольно задержал дыхание и взгляд мой совершенно самопроизвольно скользнул вниз сквозь вырез халатика. Ложбинка между грудями, складка животика. А дальше, дальше я не смог разглядеть, это были трусики или... . От нее пахло лекарствами и духами. Она резко выпрямилась, а я тяжело выдохнул.

3.

Никогда не думал, что так интересно смотреть в потолок. Трещины, бугорки, желтые разводы, облупившаяся побелка. Я представлял, что все это карта какой-то неизведанной поверхности. Может быть это какая-то планета, а я наблюдаю за ней с космического корабля. Вот эта трещина – это большая полноводная река, которая впадает в озеро – облупившийся кусочек потолка. Я вдруг ясно представил себе, как мой звездолет садится на незнакомую планету. Сколько неизведанного меня ждет. Может быть, эта планета обитаема и я там встречу со странными существами, у которых одно огромное ухо, три глаза, а вместо ног щупальца. Как я буду с ними общаться? Быть может после смерти нам предстоит переселиться на какую-то неизвестную живым планету. Как там, какие деревья, облака. Я опять заснул.

Сегодня Леночки нет. Уколы ставит другая медсестра - тетя Шура. Полная вечно нахмуренная женщина (не реагирует даже на шутки больных) лет пятидесяти пяти. «Наверное, на пенсию пора» - подумал я, когда она не глядя на меня и ничего не говоря, быстро и ловко, словно делая стежок, вонзила мне иголку в вену.

4.

- Добрый день. Простите.

Передо мной стоял пропойца с иссиня-красным одутловатым, но улыбающимся лицом. Полный, плохо одетый и источающий характерный бомжовый запах. В руках какой-то мешок. Что там? Бутылки, наверное.

- Извините.

Пропойца не решался начать разговор, виновато глядя на меня красными от возлияний глазами и переминался с ноги на ногу. Я остановился.

- Да - почему-то этот человек привлек мое внимание.

- Извините, у вас не найдется восемь с половиной рублей. До пенсии.

Я, не раздумывая, достал и отдал мужчине бумажку - десять рублей. Пропойца, как-то смущенно улыбнулся.

- Все равно не хватает.

Почему он придумал эту странную сумму «восемь с половиной»? Я дал ему пятьдесят рублей.

- Я ведь бывший музыкант, духовик. Играл в военном оркестре. Вот на пенсию вышел. Не стало у нас духовиков, не стало. Все уже перемерли, я один. Может, знали – тут он назвал несколько фамилий.

Я не знал ни одного из названных им. Пропойца, удалялся, тяжело шагая и волоча за собой позвякивающий мешок.

...

Кто-то склонился надо мной. Леночка? Глаза почему-то не открывались. На меня пахнуло запахом духов. Но глаза как смолой залеплены. О как тяжело. Такое ощущение, что приходится тащить тяжелый мешок. Наконец, я с трудом разлепил один глаз. Темно, никого рядом. Тусклые очертания верхней половины стены, шумное дыхание больных, храп. Почему не открывается второй глаз? Что со мной?

5.

Сосед слева опять травит анекдоты. Анекдоты плоские. Не понятно, где надо смеяться и надо ли смеяться вообще. Но сейчас меня развлекало и это.

В одиннадцать опять был обход. Николай Петрович, мой лечащий врач, что-то долго диктовал сестре, а та старательно записывала. Я даже не вслушивался. Я потерял интерес к состоянию своего здоровья, о котором говорил врач, словно здоровье существовало само по себе, как некое существо, живущее по своим законам отдельно от меня, а мне было на него наплевать, так как надо было заботиться о себе.

Одному из больных принесли телевизор. Но телевизор поставили у окна, и мне было ничего не видно. Оставалось только догадываться, что там идет. Вот и сейчас кто-то с цыганскими нотками и на плохом английском выводил странные слова

Gitar, gitar, gitar. Come to my buduar...

Я повернулся к стене и стал думать о Леночке. Я представил ее в совсем коротеньком медицинском халатике. Вот она приближается к моей кровати. Боже, какая красивая грудь. Халатик не может скрыть форм, а вырез открывается все больше и больше, надвигается на меня, расширяется, закрывая от меня весь обзор.

- Дошла очередь до русского. Ну русский и говорит...

Анекдоты продолжают.

6.

Такое ощущение, что конечности распухают, увеличиваются в размерах, растут в длину и в ширину.

- Сколько у меня.

Тетя Шура, почему-то тут же быстро стряхнула градусник, как будто стараясь скрыть от меня секретные сведения. Я ждал.

- Тридцать семь и шесть – тетя Шура скривилась.

Странная вещь – я не могу сосредоточиться на каком-либо предмете. Мысли прыгают с одной темы на другую. Словно я перепил. Пробую сосредоточиться на потолке, но он качается, как палуба в шторм. В голове одна мысль: забыться, только, чтобы перестать испытывать эту жуткую качку.

Кто-то шарит по мне, сильными руками поворачивает меня на бок. Не сильная боль в ягодице. Ставят укол - мысли вязкие, словно тесто, которая когда-то в детстве месила моя бабушка. Темнота.

...

Он увидел меня с противоположной стороны улицы. Машет мне. Я останавливаюсь. Жду. Кажется, сегодня с утра он пытался привести себя в порядок. Волосы причесаны, скорее, приглажены, чистая рубашка и брюки, но бомжовый запах уже ничем не вытравить. Он радостно улыбается. Я улыбаюсь в ответ.

- Извините. Не найдется у вас двадцать два рубля. До пенсии еще далеко.

Суммы увеличиваются. Впрочем, сам виноват. Зачем давал первый раз.

- Вот от внуков иду. У меня их двое.

Пропойца мнетя, переступая с ноги на ногу. Я мелочью набираю ему двадцать пять рублей. Высыпая на протянутую сложенную лодочкой темную ладонь. Стараюсь не дотрагиваться до его руки.

- Спасибо. Я отдам. Вот получу пенсию.

- Сочтемся. Жизнь длинная.

7.

Ветра не было. Языки пламени устремлялись ввысь. Горела середина толстого березового бревна. Темный лес вокруг. Там за деревьями было озеро, но не звука не раздавалось с той стороны.

- Сколько уже?

Коля помолчал. Потом достал мобильник, прищурился.

- Третий час.

Помолчали. Из палаток раздавались звуки, обычно производимые спящими людьми.

- Ты веришь в бога?

Вопрос не застал врасплох. Ночь, лес, костер, темная гладь озера – о чем еще можно говорить в такой обстановке. Вспомнились лермонтовские строки «Ночь тиха. Пустыня внемлет богу. И звезда с звездою говорит.».

Николай неотрывно смотрел на огонь.

- Не знаю. Трудно ответить. И одновременно легко.

- Почему?

- Если я скажу, что верю, то чем я, собственно, отличаюсь от того, кто скажет «не верю»?

- У верующего человека, наверное, должно быть иное отношение к действительности. Какая-то система ценностей.

- А вот тут ты ошибаешься. Что дает мне сия вера? Я ведь верю не в священные книги и, следовательно, ничего о боге не знаю. Не знаю, какую систему ценностей он предпочитает. Я просто верю, что он есть, а какой он БОГ и что собственно от меня эта вера требует? Нет у меня таких сведений и я не знаю, где найти эти сведения.

Николай помешал толстой веткой угли и выдернул дымящуюся картофелину. Душистая обжигающая масса наполнила рот. Какое то время мы молча ели. Печеная картошка всегда вызывает детские воспоминания.

Николай встал. Пламя отражалось в его очках и это придавало ему какой-то не человеческий облик. Повернувшись, он двинулся в сторону озера. Выйдя за освященный круг, он быстро исчез из вида и словно пропал, перестал существовать или не существовал вовсе. Я смотрел ему вслед.

8.

- Крыша поехала.

С усилием разлепляю глаза. Разговаривают медсестра и один из пациентов.

- Говорит всю ночь бродил по отделению.

- Ага. Он даже есть самостоятельно не может.

Кажется, я знаю, о ком говорят. Больной лежит у самой двери. Ему за восемьдесят. Его кормят с ложечки, ставят клизмы и системы. Иногда он кричит на родственников, которые его навещают и на медперсонал.

Я хочу спросить, где Леночка, но вдруг она сама появляется в палате. Как всегда кокетливый коротенький халатик, синие глаза и длинные ресницы. Она несет систему. Ах, жаль, что не мне. Я с трудом приподнимаю голову, чтобы видеть, как Леночка будет возиться у больного, что у окна. Ах, какая попка. Лучше не смотреть. Я отворачиваю голову и забываюсь тяжелым сном.

...

Почему он преследует меня. Ах да, я ему дал денег. Зачем давал? Жалко? Да таких пропойц тысячи, на всех денег не хватит. Кажется, он меня подкарауливает. Вот и вчера у остановки его встретил. Опять в этих грязных штанах. Виногато улыбается, но смелее стал. Просит двадцать пять рублей и опять до пенсии. Выгребаю мелочь из кармана и, не считая, отдаю. Пропойца уходит в сторону магазина. Я почему-то стою и долго смотрю ему в след. Старые потрепанные брюки, такой же обветшалый пиджак, стоптанные ботинки. В руках мешок, наверное, опять с пустыми бутылками. Не могу оторвать взгляда от этого, порядком поднадоевшего мне человека. Какой он был лет двадцать назад. Служил в армии, играл в духовом оркестре. Был молодым веселым, любил женщин.

9.

Почему некоторые люди так боятся больничных палат? В сущности, какая разница, где жить. А здесь лечат, кормят. Можно спать, когда заблагорассудится. Дом это всего лишь пространство, которое считаешь своим. Мое пространство сейчас сузилось до больничной койки, точнее это параллелепипед, верхняя грань которого находится на потолке, а нижняя на полу. Я обжил это пространство. Мне неприятно, когда в него кто-то вторгается, даже муха. Но, наверное, это касается не всех.

Уколы. Появляется Леночка. С трудом переворачиваюсь на живот. Ловким движением Леночка отбрасывает одеяло и спускает с меня штаны. Я поворачиваю голову, и мне становятся видны ее ноги. Сквозь сетку кровати я вижу пару этих волшебных ног. Эти ноги будто танцуют у моей кровати. Две красивых стройных ножки. Я вижу их только до колен, но мне и этого достаточно. Они сводят меня с ума. Я так сосредоточен на них, что пропускаю момент самих уколов и очень удивляюсь, когда на меня набрасывают одеяло.

- Уже?

Я поворачиваю голову и смотрю в окно. Кроме зелени ничего не видно. Вокруг больницы густо насажены деревья. Я вижу, как трепещут листья, поддаваясь легким порывам ветра. Солнце где-то на западе и сейчас его не видно. Скоро, скоро стемнеет.

10.

- Не терплю нищих – худая нервная женщина поджала губы, - «пусть идут работать. Я работаю, а они хотят даром все иметь».

- «Ну, во-первых, не все, а самую малость. Ну, а, во-вторых, вы не дадите – другие подадут», - мужчина заторопился к выходу, приближалась его станция.

Я не вмешался в спор, а стал наблюдать за женщиной. Сухие «когтистые» пальцы все время что-то теребили. То ручку сумочки, то ключи. Я украдкой стал вглядываться в нее. Светлые волосы стянуты сзади. Голову держит чересчур прямо. Строгий синий костюм. Или муж бросил или старая дева. Весь ее вид прямо кричит: все мужчины бездельники, пьяницы и распутники. Кем она работает? Не иначе ведет записи актов гражданского состояния. Интересно, что ей доставляет большее удовольствие: записи о разводе или о смерти?

Смерти, смерти... . Миллиарды людей задумывались о том, что это и как это происходит. Получили ли они ответ на этот вопрос?

11.

Обход. Николай Петрович просто блещет чистотой, здоровьем, жизненными силами и оптимистичным восприятием действительности. На нем зеленый хирургический костюм и белая, до боли в глазах белая шапочка. Сопровождающая его медсестра с тетрадкой почтительно поджав губы стоит у кровати, пока Николай Петрович выслушав больного в ответ многозначительно вещает, произнося фразы типа «Вот видите, лечение дает результат, завтра у вас будет последняя капельница». Ежедневный обход – это ритуал, ритуал, который вселяет надежду в сердца больных и чувство удовлетворения и значимости в тех, кто лечит – вот, мол, ради чего мы на свете живем, ради жизни и здоровья других.

Ко мне Николай Петрович подходит приветливо улыбаясь: «Да вы молодец! Температура стабилизировалась. Да мы вас через недельку и выпишем. Надоело, поди в больничке то лежать? Что делать, все мы можем заболеть. Организм к сожалению не вечен. Стареет. Вы знаете, многое зависит от больного. У меня был случай...».

Он еще что-то говорит, а на меня находит какой-то странный ступор. Я вижу Николая Петровича, вижу как шевелятся его тонкие губы, как поблескивают его очки, вижу как медсестра что-то пишет в тетради, но начинаю почему-то думать о том пропойце, который преследовал меня последнее время. Доктор встал.

Они уходили из палаты. Как же медленно они уходят, будто это замедленные съемки. А я смотрю и смотрю им вслед.

Я все не могу прийти в себя. Мысли опять начинают разбегаться, я пытаюсь сосредоточиться, закрываю глаза.

12.

Меня выписали. Как это здорово! Я свободен и здоров. Я могу снова наслаждаться жизнью, могу работать, могу просто валяться и смотреть телевизор, могу бродить по улицам. Палата? Скорей о ней забыть. Я сбегая по лестнице, размахивая пакетом с пожитками. Леночка? Бог с ней, я свободен и здоров. Не замечая ничего, я выбегаю из больницы. Ах, как дышится легко! Странно, в холле и на улице никого, наверное, обед. Который сейчас час? Я остановился. Нет ни часов, ни мобильного. Ах да, все осталось дома. Солнца не видно. Все небо застилают облака. Как хорошо на улице. Я иду по зеленому благоухающему коридору. Впереди маячит сгорбленная фигура. Ускоряю шаги и медленно сближаюсь с фигурой. Что-то знакомое во всем облике. Старый потрепанный пиджак, грязные мятые брюки, стоптанные ботинки, в руках какой-то мешок. Фигура поворачивается ко мне и приветливо улыбается.

- Я получил пенсию.

...

2010, август, Шадринск

Пирогов В.Ю. (с)

<http://asm.shadrinsk.net>